

Аннотация

Работа посвящена принципам уголовного судопроизводства. Принципы, это основные, наиболее общие и руководящие положения какого-либо процесса, явления. Существует несколько точек зрения относительно некоторых признаков, присущих принципам уголовного процесса, что в конечном итоге сказывается на их теоретическом определении.

Структурно работа состоит из введения, трёх глав, которые включают шесть параграфов, заключения и списка используемой литературы и используемых источников.

В первой главе рассматриваются понятие и значение принципов уголовного судопроизводства, и система принципов уголовного судопроизводства.

Во второй главе рассматриваются организационные принципы в уголовном процессе и принципы, касающиеся непосредственно прав и свобод человека и гражданина в уголовном процессе.

В третьей главе рассматриваются проблема реализации принципа состязательности и проблемы реализации принципа на разумный срок уголовного судопроизводства

В заключении отражены выводы по проделанной работе.

Оглавление

Введение	4
Глава 1 Общие положения о принципах уголовного судопроизводства	6
1.1 Понятие и значение принципов уголовного судопроизводства	6
1.2 Система принципов уголовного судопроизводства	13
Глава 2 Характеристика отдельных принципов уголовного судопроизводства	19
2.1 Организационные принципы в уголовном процессе.....	19
2.3 Принципы, касающиеся непосредственно прав и свобод человека и гражданина в уголовном процессе.....	23
Глава 3 Проблема реализации отдельных принципов уголовного судопроизводства.....	33
3.1 Проблема реализации принципа состязательности.....	33
3.2 Проблемы реализации принципа на разумный срок уголовного судопроизводства.....	43
Заключение.....	50
Список используемых источников и используемой литературы	53

Введение

Актуальность темы выпускной квалификационной работы. Принципы, это основные, наиболее общие и руководящие положения какого-либо процесса, явления. Существует несколько точек зрения относительно некоторых признаков, присущих принципам уголовного процесса, что в конечном итоге сказывается на их теоретическом определении.

Поскольку принципы уголовного судопроизводства лежат в основе всех других норм уголовно-процессуального права, то их правильное формулирование и понимание позволяет формировать и применять уголовно-процессуальный закон в соответствии с Конституцией РФ, международными нормами и принципами.

Современный российский уголовный процесс переживает очень интересные и непростые времена. Изменения уголовно-процессуальных нормативно-правовых актов формируют новую правовую действительность и правовую идеологию, требующие иной правовой парадигмы. Зачастую это требует коренного изменения в правосознании, как законодателей, так и правоприменителей, а также научных работников и преподавателей. Далеко не всегда предлагаемые законодателем новеллы могут сработать в условиях практической реализации принципов и норм процессуального права.

Цель исследования состоит в том, чтобы на основе научных исследований и эмпирического материала исследовать систему принципов уголовного судопроизводства. Для достижения указанной цели были поставлены следующие задачи:

- выявить характерные черты принципов уголовно-процессуального права и на их основе дать определение понятию «принципы уголовного судопроизводства»;
- дать общую характеристику принципам уголовного судопроизводства;
- изучить систему принципов уголовного судопроизводства;

- рассмотреть отдельные принципы уголовного судопроизводства;
- рассмотреть проблемы реализации отдельных принципов.

В качестве объекта исследования являются общественные отношения складывающиеся в процессе развития правовой системы с точки зрения действия и применения принципов уголовно-процессуального права.

Предметом выпускной квалификационной работы являются нормы права, теоретические воззрения на разрабатываемую проблему, судебная и следственная практика, отраженная в материалах уголовных дел и иных носителях информации.

Исследованию проблем принципов уголовного судопроизводства посвящены работы многих процессуалистов таких как А.С. Кобликов, И.Б. Михайловская, И.Л. Петрухин, С.М. Строгович, Ю.И. Стецовский и др.

Методы исследования. Методами исследования являются диалектический метод научного познания. В ходе работы использовались также частно - научные методы: сравнительно - правовой, формально - логический, системный и статистический.

Нормативная база исследования представлена Конституцией Российской Федерации, уголовным, уголовно-процессуальным и другим федеральным законодательством РФ.

Структура работы состоит из введения трёх глав, заключения и списка используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Общие положения о принципах уголовного судопроизводства

1.1 Понятие и значение принципов уголовного судопроизводства

Современное состояние уголовного судопроизводства призвано гарантировать права и законные интересы лиц, вовлеченных в уголовно-процессуальные отношения на сторонах, как обвинения, так и защиты, а также эффективность деятельности уполномоченных государственных органов и должностных лиц.

Одним из важнейших структурных элементов общего механизма уголовно-процессуального регулирования являются принципы уголовного судопроизводства, которые, будучи объединенными в общую систему, создают надлежащую правовую основу для формирования всех остальных правовых институтов и их реализации на различных стадиях производства по уголовным делам.

Несомненно, многие научные разработки, которые были осуществлены классиками-процессуалистами, а также современные исследования позволяют сделать вывод о том, что можно вести речь о существовании в рамках общей уголовно-процессуальной теории достаточно развитого учения о принципах уголовного судопроизводства.

Вместе с тем, ряд положений, которые были изначально положены в основу этого учения или появились в связи с внедрением положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, нуждаются в дополнительном теоретическом осмыслении и конкретизации.

Что касается происхождения и развития понятия принципов уголовного судопроизводства, то можно обнаружить две его составляющие. С одной стороны, из теории естественного права вытекает, что должны объективно существовать права личности, которые обеспечивают стабильность общественных и государственных механизмов, причем права напрямую не

связаны с детализацией их законодательного выражения. Впоследствии такая теория стала главенствующей при формировании различных механизмов англо-саксонской системы права, касающихся в том числе (и, возможно, прежде всего) уголовного судопроизводства. С другой стороны, имеется и прямо противоположная концепция, которая ставит во главу угла нормативное закрепление тех либо иных право-положений, которые в своей совокупности составляют принципы уголовного судопроизводства. На основе этой нормативистской концепции создана и функционирует континентальная (кодифицированная) система права.

Хотим мы или нет, но исторически Россия входит в континентальную правовую семью, в связи с чем в нормативно-правовом регулировании применяются лишь те правила, которые нашли свое выражение в действующем законодательстве. Соответственно и принципы уголовного судопроизводства для того, чтобы входить в механизм уголовно-процессуального правоприменения, должны быть четко и детально отражены в действующем законодательстве в виде правовых предписаний. Если какое-либо социально-правовое явление (возможно, и реально существующее) до сих пор не нашло своего законодательного выражения в гл. 2 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, то принципом его называть нельзя, это в лучшем случае будущий принцип, возможный принцип и т. п. Поэтому вряд ли можно поддержать ученых, которые в своих работах, не проводя глубокого исследования тех либо иных правил на предмет их соответствия критериям уголовно-процессуальных принципов, походя объявляют то либо иное правило принципом уголовного судопроизводства.

Далее, принципы ввиду значительной степени своей общности непосредственно регулируют не все без исключения, а лишь наиболее важные аспекты уголовного судопроизводства. Можно сформулировать «обоюдоострое» правило: любое нарушение принципов уголовного судопроизводства является существенным нарушением уголовно-процессуального закона, а, с другой стороны, любое существенное нарушение

положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации всегда можно свести к нарушениям того либо иного принципа (или одновременно нескольких либо даже всех). Другое дело, что дух, общая направленность принципов проникает во все без исключения уголовно-процессуальные нормы, отражается в них, что служит дополнительным стабилизатором всего правоприменения по уголовным делам.

Весьма важным является вопрос о том, каким образом принципы уголовного судопроизводства оказывают воздействие на остальные уголовно-процессуальные нормы и регламентируемые ими правоотношения. В общей теории права такое воздействие подразделяется на две разновидности — регулятивное и охранительное. Регулятивное воздействие принципов заключается в том, что перед осуществлением какого-либо процессуального действия или принятием процессуального решения должностное лицо уголовного судопроизводства сопоставляет это с содержанием задействованного принципа (группы принципов), а реализация осуществляется лишь при обнаружении полного соответствия. Охранительное воздействие состоит в том, что-то действие, которое уже ранее было произведено (решение — принято) проверяется на предмет соответствия принципам. Конечно, более целесообразно использовать регулятивные качества принципов, однако и охранительное воздействие имеет значительный потенциал. Оно позволяет изменить ранее допущенные нарушения закона, в том числе это возможно сделать и самим должностным лицам уголовного судопроизводства, их сделавшим. Другое дело, что наиболее часто охранительное воздействие применяется на последующих стадиях уголовного судопроизводства, когда уголовное дело перешло в ведение иного органа или должностного лица, например, когда нарушение было допущено в ходе предварительного расследования, а обнаружил и устранил его суд.

Нужно охарактеризовать и идеологическую составляющую принципов уголовного судопроизводства. Хотя в отечественной уголовно-

процессуальной литературе советского периода и доказывалось, что принципы являются объективными, неизменными и т. п., с этим с позиций дня сегодняшнего согласиться нельзя. Так, в тот период в качестве незыблемого правила действовал принцип публичности уголовного судопроизводства. Однако, исходя из приоритета прав личности над государством (ст. 2 Конституции Российской Федерации), это правило, хотя и осталось в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации, было переведено из разряда принципов на иной, несколько меньший уровень значимости (гл. 3 Кодекса). С другой стороны, для того, чтобы обозначить то либо иное правило в качестве принципа уголовного судопроизводства, используются правила, закрепленные на самом высшем законодательном уровне — в Конституции Российской Федерации и международных договорах Российской Федерации, ратифицированных Россией на уровне не ниже, чем федеральное законодательство.

Далее, весьма значимым свойством принципов является их всеобщность, то, что они действуют на всех без исключения стадиях уголовного судопроизводства. Например, тот же принцип презумпции невиновности действует и на стадии исполнения приговора, поскольку при разрешении судом вопросов, возникающих при отбывании наказания, используется правило о толковании неустранимых сомнений осужденного в его пользу.

В этой связи нельзя поддержать авторов, которые предлагают разработать принципы отдельных стадий уголовного судопроизводства, например, судебного разбирательства в суде первой инстанции. По нашему мнению, законодатель поступил вполне осознанно и обоснованно, по-иному назвав те правила, которые применимы для пусть и важных, но отдельных стадий (например, в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации выделяются «общие условия предварительного расследования» — гл. 21, «общие условия судебного разбирательства» — гл. 35). Понятие «принципы стадии» методологически неверно, поскольку различные

нормативно-правовые явления, имеющие иерархию главенства и подчинения, нельзя называть идентичными терминами.

Принципы уголовного судопроизводства также должны действовать в отношении всех его участников, как органов и должностных лиц, так и лиц, вовлеченных в производство по уголовному делу. Хотя некоторые принципы, на первый взгляд, относятся лишь к той либо иной группе участников, их обеспечение возложено и на другую группу. Например, принцип языка уголовного судопроизводства (ст. 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации) в большей мере касается подозреваемого (обвиняемого), не владеющего официальным языком производства по делу, однако и на должностных лиц он налагает определенные обязанности (пригласить переводчика, обеспечить письменный перевод документов и т. п.).

Таким образом, из всего вышеизложенного можно сделать вывод, что под принципами уголовного судопроизводства следует понимать нормативные предписания высшей юридической силы, которые регламентируют наиболее важные аспекты уголовного судопроизводства, оказывают регулятивное и правоохранительное воздействие по отношению к иным уголовно-процессуальным принципам и возникающим правоотношениям, соотносятся с государственной политикой в сфере уголовного судопроизводства и охраняются от нарушений широким спектром мер государственного принуждения.

Отдельное значение имеет вопрос о системе принципов уголовного судопроизводства. Природа связей между элементами внутри системы отлична от других видов связей, например, от причинно-следственной, поэтому можно вести речь о наличии особой системной связи, которая формирует всю ее структуру. Системная связь — это комплексное понятие, оно обуславливает существование нескольких структур, с помощью которых можно описать особенности любой системы, в том числе и системы уголовно-процессуальных начал. В перечень таких структур входят:

- статическая структура (геометрическое построение системы);

- динамическая структура (взаимодействие между принципами);
- кинематическая структура (реализация системы);
- функциональная структура (поведение системы принципов при взаимодействии с другими системами);
- генетическая структура (возникновение и развитие системы).

Система принципов — это не просто их совокупность, а новое качество, при котором взаимно усиливаются свойства их отдельных структурных элементов - принципов. В конкретной правоприменительной ситуации принципы действуют не изолированно друг от друга, а совместно. Что касается геометрии такой системы, то принципы соединены таким образом, что каждый из них непосредственно связан со всеми остальными, причем взаимосвязь можно проследить в любых направлениях и между любыми принципами. С другой стороны, нарушение требований хотя бы одного из принципов приводит к нарушению и всех остальных, поскольку взаимосвязь и в этих случаях не разрушается, хотя и приобретает негативный характер.

Все принципы равным образом защищаются государством и имеют равновеликое значение, поэтому вряд ли возможна их дифференциация на «главные» и «второстепенные». Вместе с тем, принципы, которые наиболее часто задействованы в правоприменительных ситуациях, внешне выглядят как более значимые по отношению к остальным, например, принцип законности, принцип состязательности сторон.

Система принципов уголовного судопроизводства обладает свойством внешней и внутренней устойчивости. Внешняя устойчивость обеспечивает возможность позитивной реализации системы принципов даже в случаях, когда произошли незначительные нарушения закона, поскольку впоследствии это можно исправить, например, путем повторного предъявления лицу обвинения, частичного прекращения уголовного дела, повторения тех процессуальных действий, в ходе которых было допущено нарушение. Внутренняя устойчивость системы принципов проявляется в том, что она надлежащим образом реализуется, несмотря на неточность формулировок и

содержания отдельных принципов. Так, в настоящее время видится не вполне точными и название, и содержание принципа независимости судей (ст. 8.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации). Несомненно, данным должностным лицам независимость крайне необходима, однако сформулированное таким образом правило действует усечённо, не охватывает деятельности иных должностных лиц уголовного судопроизводства. По нашему мнению, следовало бы сделать данное правило более универсальным, указав, что независимость должна распространяться не только на судей, но и на остальных должностных лиц уголовного судопроизводства, действующих в пределах своих полномочий.

Также вызывает научный и практический интерес вопрос о возможности классификации принципов уголовного судопроизводства. Изучение структуры и содержания как каждого отдельного принципа, так и их общей системы позволяет сделать вывод о том, что все принципы настолько схожи между собой по юридической силе и сфере действия, что реальные основания для их классификации (т. е. строгого разделения) отсутствуют. Вместе с тем, исследование их свойств и направленности приводит нас к выводу о том, что они, будучи не подверженными классификации, все же могут быть условно подразделены на две группы. Первая — это принципы, которые в большей мере характеризуют деятельность органов и должностных лиц уголовного судопроизводства, вторая — принципы, которые в значительной степени относятся к сфере обеспечения прав и законных интересов вовлеченных в процесс лиц. Вместе с тем, повторим, что такое деление не является классификацией, поскольку эти свойства являются не «железобетонными» основаниями для их разделения, а лишь оттенками, которые позволяют определить приоритетную направленность того либо иного принципа.

Таким образом, понятие принципа уголовного судопроизводства, их системы, а также возможностей реализации системы принципов на различных стадиях и в различных видах производств должно подвергнуться глубокому теоретическому исследованию.

1.2 Система принципов уголовного судопроизводства

В учебной и монографической литературе существует немалое количество определений принципов уголовного судопроизводства. Как правило, под принципами уголовного судопроизводства понимаются «исходные, основные правовые положения, определяющие назначение уголовного судопроизводства и построение всех его стадий, институтов, отдельных процедур». О принципах пишут: «Они отражают сущность и содержание уголовного процесса, характеризуют его исторический тип, определяют предмет и метод процессуального регулирования», «характеризуют уровень защиты прав и свобод человека в уголовном судопроизводстве» [29, с. 233].

Исходя из общего постулата о том, что принципы - это положения, объективно отражающие реальность требований настоящего времени, вырастающие в рамках социальных потребностей общества на конкретном этапе его развития, обратим внимание на признаки принципов, заложенные в них как имманентные свойства, определяющие их сущность и назначение.

Принципы объективны по содержанию, ибо отражают объективные закономерности развития общественных отношений.

Принципы не определяют предмет и метод уголовно-процессуального регулирования, а обеспечивают реализацию полномочий властных субъектов и прав и законных интересов всех других участников процесса юридическими средствами, определяемыми методом уголовно-процессуального регулирования. Предмет и метод уголовно-процессуального регулирования объективно определены публичным началом уголовно-процессуального права. Наконец, принципы не просто характеризуют уровень защиты прав и свобод человека в уголовном судопроизводстве, они устанавливают уровень (планку) обеспеченности этой защиты, являясь гарантиями прав и законных интересов личности.

Таким образом, принципы уголовного процесса - это общеобязательные руководящие положения императивного характера, закрепленные в Конституции Российской Федерации и в гл. 2 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, лежащие в основе всей уголовно-процессуальной деятельности по поводу возбуждения, расследования, рассмотрения и разрешения уголовных дел, определяющие сущность и направление деятельности, отражающие предмет и метод уголовно-процессуального регулирования, обеспечивающие назначение уголовного судопроизводства, реальность прав и свобод человека и гражданина, вовлеченного в сферу уголовно-процессуальных отношений. Понимание этой значимости принципов представляется важным, поскольку разработка концепции реформирования отраслевого законодательства всегда должна начинаться с анализа основных начал, обсуждения и построения системы принципов, включающей положения, объективно отражающие реальность требований настоящего времени. При этом важно широкое обсуждение предлагаемой системы не узким элитарным клубом отдельных представителей, а всей юридической общественностью. Система принципов, закрепленная законодательно, суть выражение уголовно-процессуальной политики государства.

Система принципов уголовного судопроизводства, точнее, то, что понимается под этим, - сложное правовое явление. Явление неустоявшееся, нестабильное, несмотря на существование разнообразных перечней конкретных и повторяющихся терминологических конструкций, включаемых в нее в качестве элементов. И это совершенно понятно: с одной стороны, на конструирование системы принципов всегда накладывает свой отпечаток конкретный временной отрезок бытия, диктующий общественные потребности, с другой - субъективная воля законодателя, выраженная в законе, которая не всегда полно (и объективно) отражает эти требования.

История свидетельствует: «на формирование системы принципов накладывает свой отпечаток определенная эпоха, характеризующаяся

соответствующим уровнем развития общественных отношений, развитостью права, мировоззренческих установок законодателя, определяемых (в идеале) потребностями общественного развития. Эффективность любой системы определяется слаженностью ее взаимодействующих элементов, иначе система «не срабатывает» либо становится малоэффективной. Ныне закрепленная в уголовно-процессуальном законе система принципов, безусловно, отличается от той, что существовала в прошлом. В целом, как отмечают ученые и практики, система принципов уголовного судопроизводства ныне отвечает требованиям международно-правовых стандартов [19]. Вместе с тем, замечено, что вопрос о критериях построения системы принципов, о вычленении того или иного положения в ранг принципа уголовного процесса не разрешен до сих пор» [6, с. 91-93].

Право на состязательное производство тесно связано с принципом равноправия сторон, и в некоторых делах Суд устанавливает нарушение п. 1 ст. 6 Конвенции на основании совокупности этих двух принципов.

Анализируя понятия и категории общей теории юридического процесса, А.А. Павлушина пришла к выводу о том, что в основе выхода на понятие принципа является указание на преобладание одного из двух начал по образцу и подобию философских категориальных пар: ими в процессе являются, например, принципы состязательности - следственности, гласности - тайности, устности - письменности и т. п. Возникшая при этом нестыковка с невозможностью подобрать парную категорию принципу законности привела автора к мысли о том, что «его выпадение из ряда парных начал процесса свидетельствует о необходимости: а) современного переосмысления его содержания; б) определения его точного места в теории права и его характере как принципа, начала, категории (?); в) обнаружения его места в системе (не сформированной еще полноценно) «негативных» категорий — неправо, злоупотребление правом и т.п...» [23, с. 302-305].

И все же думается, что критерии построения системы принципов уголовного судопроизводства следует искать не в преобладании одного из

двух парных начал. Правовые конструкции систем принципов вырастают, как уже говорилось, из общественно-социальных потребностей времени, с другой стороны, конструкция системы - субъективная воля законодателя.

В мире развернутых демократических преобразований уголовное судопроизводство наполнилось идеями гуманизма и демократии, обращенными лицом к человеку как высшей ценности. Система принципов российского уголовного судопроизводства в целом по общему признанию соответствует общемировым представлениям о его основных началах. Сопоставление конституционных положений стран Европы, устанавливающие общие требования, касающиеся обеспечения защиты прав человека в сфере уголовного судопроизводства, дает основание говорить о том, что они мало чем отличаются друг от друга. И все же, отталкиваясь от вышеозначенных характеристик основных начал уголовного процесса, необходимо попытаться понять, все ли положения, включенные в ныне действующую систему принципов, соответствуют названным требованиям. Безусловно, в рамках научной статьи, ограниченной определенным объемом, дать глобальный анализ всех составляющих (элементов) системы невозможно. Ограничимся лишь некоторыми из них.

Принцип состязательности, как базовое положение уголовного судопроизводства, с одной стороны, действительно отвечает чаяниям человечества о справедливости правосудия. Предполагается, что именно спор сторон, наделенных равными правами, дает надежду на справедливую судебную защиту. о расследования. В.А. Азаров убежден в том, что «в досудебном производстве отсутствует юридическая основа принципа состязательности - равноправие сторон. Положение, при котором «в досудебном производстве, где явно неравноправны обвинение и защита, а на следователя и дознавателя законодателем возложены все три классические уголовнопроцессуальные функции», «заставляет усомниться в логичности закрепления состязательности в ранге самостоятельного уголовно-процессуального принципа в главе 2 УПК РФ». Автор не без основания

предлагает «ранжировать» состязательность «в качестве рядового общего условия судебного разбирательства» [2, с. 15]. Нет и не может быть на досудебных стадиях равенства сторон в силу ярко выраженной в досудебном производстве публичности уголовного процесса.

Публичность как суть императивного метода уголовно-процессуального регулирования — имманентное свойство уголовного процесса, порожденное объективно социальной потребностью, выразившейся в организации правозаступничества государства, его правоохранительной функции. Особенность развития российского уголовного процесса заключается в том, что он с момента своего возникновения нес в себе элементы публичности. Даже в догосударственную эпоху власть, совпадая с родом, осуществляла «судебные функции» от имени родовой общины. С образованием государства эта функция полностью становится прерогативой государственной власти. Л.В. Миллов в ходе исследования вопросов рецепции римского права на востоке, и в частности, влияния русского обычного права при решении проблемы возмездия в случае бегства убийцы (по русско-византийским договорам 911 и 945 гг.), заметил: «Самое важное заключается в том, что делает это (как следует из договора 911 г.) государственная власть, так как в течение всего поиска беглеца на него существует судебное дело (да держится тяжи)» [20]. Но принцип публичности ныне исключен из системы основных начал уголовного судопроизводства.

Не столь давно в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации был закреплен принцип «разумности сроков уголовного судопроизводства». Попытка понять и оценить новаторство законодателя с позиций объективных потребностей общества в этом руководящем и направляющем положении уголовного судопроизводства достаточно непростая. Где, когда, в какую эпоху возникла эта потребность социума? Означенная в решениях Европейского суда как один из видов нарушения прав человека в уголовном судопроизводстве в силу затягивания процедуры производства по уголовному делу, «разумность сроков» переросла в ранг

принципа. Представляется, что это положение закона должно охватываться принципом законности, выраженного в требовании жесткого (неукоснительного) соблюдения процессуальных сроков, установленных законом для производства целого ряда процессуальных действий.

Требование это должно быть подкреплено четким установлением обязанностей властных субъектов уголовного процесса соблюдать установленные законом сроки и соответствующими мерами ответственности за их несоблюдение.

Подводя итог размышлениям, следует сказать, что система принципов уголовного судопроизводства должна быть подвергнута серьезному анализу и переосмыслению с точки зрения критериев, предъявляемых к ней с позиций общечеловеческих ценностей и традиций российского права.

Глава 2 Характеристика отдельных принципов уголовного судопроизводства

2.1 Организационные принципы в уголовном процессе

В системе уголовного судопроизводства организационные принципы состоят из пяти штук:

- назначение уголовного судопроизводства;
- разумный срок уголовного судопроизводства;
- законность при производстве по уголовному делу;
- осуществление правосудия только судом;
- независимость судей.

Рассмотрим более подробней организационные принципы.

Назначение уголовного судопроизводства

Назначение уголовного судопроизводства, определяемое как защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений; а также защита личности от ограничения ее прав и свобод (ст. 6 УПК РФ), можно считать достигнутым не в момент разрешения уголовного дела по существу либо вступления этого решения в законную силу, а только тогда, когда решение, принятое судом по существу дела, исполнено. Разрешение уголовного дела по существу еще не означает окончание уголовно-правового конфликта.

Разумный срок уголовного судопроизводства

Норма-принцип ст. 6.1 УПК РФ (разумный срок уголовного судопроизводства) в российское уголовно-процессуальное законодательство включена Федеральным законом от 30.04.2010 № 69 ФЗ [32] как следствие реализации пилотного постановления Европейского Суда по правам человека «Бурдов против России» (№ 2) [7] о праве на разумный срок уголовного судопроизводства, что предусмотрено ч. 1 ст. 6 Конвенции о защите прав

человека и основных свобод (далее - Европейская Конвенция), ратифицированной Федеральным законом от 30.03.1998 № 54-ФЗ [33].

Бесспорно, что положения ст. 6.1 УПК РФ направлены на защиту прав участников уголовного судопроизводства как подозреваемого, обвиняемого, так и потерпевшего на разрешение уголовного дела без неоправданного затягивания и волокиты. При этом следует отметить, что правовые положения указанной статьи в первоначальной (2010 г.) редакции Федерального закона № 69-ФЗ ограничивали возможность потерпевшего реализовать право на разумный срок уголовного судопроизводства, поставив этот срок в зависимость от установления по делу подозреваемого или обвиняемого.

Данное утверждение следует из того, что в досудебном производстве разумным сроком в соответствии с ч. 3 ст. 6.1 УПК РФ выступает период уголовного преследования, исчисляемый с момента его начала (выдвижения подозрения, обвинения) и до прекращения уголовного преследования. При этом Европейский Суд по правам человека момент начала осуществления уголовного преследования связывает с официальным извещением лица о выдвинутом обвинении. Это может быть «дата задержания, дата, когда лицу официально объявлено о его преследовании, или дата начала предварительного расследования» [8].

В этой связи следует отметить, что законодатель при определении понятия уголовного преследования не определяет (не детализирует) по сути момент его начала, что можно судить из содержания п. 55 ст. 5 УПК РФ, в котором сказано: «уголовное преследование - процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления».

Законность при производстве по уголовному делу

Важнейшей составляющей принципа законности является положение о том, что нарушение норм УПК РФ судом, прокурором, следователем, органом дознания, начальником органа дознания, начальником подразделения дознания или дознавателем в ходе уголовного судопроизводства влечёт за

собой признание недопустимыми полученных таким путём доказательств (ч. 3 ст. 7 УПК РФ). Данное положение, возведённое в ранг основополагающего начала уголовного процесса, означает, что правило о запрещении использовать доказательства, полученные с нарушением федерального закона, относится не только к осуществлению правосудия, но и ко всем стадиям, действиям, решениям в уголовном судопроизводстве [29, с. 230].

В статье 50 Конституции Российской Федерации закрепляется положение о том, что при осуществлении правосудия не допускается использование доказательств, полученных с нарушением федерального закона. В сфере уголовного судопроизводства указанные предписания означают необходимость соблюдения порядка производства по уголовным делам. По нашему мнению, к таковым нормативным актам, определяющим порядок уголовного судопроизводства, наряду с Конституцией РФ и УПК РФ, относятся общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры РФ, являющиеся составной частью законодательства РФ, регулирующего уголовное судопроизводство (ч. 3 ст. 1 УПК РФ). Поэтому допустимость уголовно-процессуальных доказательств напрямую зависит от необходимости соблюдения основных международных актов, являющихся составной частью законодательства Российской Федерации, регулирующего уголовное судопроизводство [17, с. 104]. Данную позицию в целом поддерживают и другие процессуалисты, предлагая при этом в ходе изучения проблемы допустимости доказательств выделять из числа международных документов, касающихся сферы уголовного судопроизводства (пактов, конвенций, прочих соглашений, регламентирующих сотрудничество государств в области развития и поощрения прав и свобод человека), прежде всего такие документы, которые одобрены Генеральной Ассамблеей ООН [34].

Значимость рассматриваемого важнейшего компонента принципа законности при производстве по уголовному делу действующим УПК РФ отмечается особым образом.

Осуществление правосудия только судом

Правосудие по уголовному делу в Российской Федерации осуществляется только судом. Никто не может быть признан виновным в совершении преступления и подвергнут уголовному наказанию иначе как по приговору суда и в порядке, установленном УПК РФ

Подсудимый не может быть лишен права на рассмотрение его уголовного дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено УПК РФ

Взаимосвязь принципов осуществления правосудия только судом и независимости судей проявляется в том, что осуществлять истинное правосудие, то есть разрешение любого правового спора или конфликта по закону и справедливости, и тем более признать лицо виновным и назначить ему наказание, может только действительно независимый и беспристрастный орган, обеспечивающий защиту прав и свобод человека и гражданина.

Независимость судей

Однако судебная независимость означает, что судьи должны иметь возможность свободно осуществлять свои судебные полномочия без вмешательства со стороны сторон, государства, средств массовой информации или влиятельных лиц или организаций, таких как крупные компании.

Судебная независимость важна независимо от того, рассматривает ли судья гражданское или уголовное дело. Лица, участвующие в рассмотрении любого дела в судах, должны быть уверены, что судья, рассматривающий их дело, не может находиться под влиянием посторонней стороны или собственных личных интересов судьи, таких как опасение судебного преследования за клевету со стороны сторон, в отношении которых судья обязан в ходе разбирательства или решения сделать отрицательный комментарий. Это требование о том, что судьи должны быть свободны от любого неправомерного влияния, также лежит в основе возложенной на них обязанности заявлять о личных интересах в любом деле до его начала, чтобы

гарантировать отсутствие какой-либо предвзятости или пристрастности или их видимости.

2.3 Принципы, касающиеся непосредственно прав и свобод человека и гражданина в уголовном процессе

В системе уголовного судопроизводства принципы, касающиеся непосредственно прав и свобод человека и гражданина, состоят из шести штук:

- презумпция невиновности;
- принцип охраны прав и свобод человека в уголовном судопроизводстве;
- принцип уважения чести и достоинства;
- принцип неприкосновенности личности;
- принцип тайны переписки, переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений;
- неприкосновенность жилища;

Рассмотрим более подробней принципы, касающиеся непосредственно прав и свобод человека и гражданина.

Презумпция невиновности

В настоящее время формула презумпции невиновности изложена непосредственно в ст. 49 Конституции Российской Федерации: каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда (ст. 49). Здесь же обозначены важнейшие следствия, вытекающие из презумпции невиновности: обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность; неустранимые сомнения толкуются в пользу обвиняемого. В развитие указанных конституционных положений в ст. 12 УПК

РФ дополнительно предусматриваются ряд также имеющих существенное значение уточнений. Во-первых, презумпция невиновности распространяется не только на обвиняемого, но и на подозреваемого, что совершенно оправдано, поскольку обвиняемый и подозреваемый выступают, по сути, в одном процессуальном качестве, оба они - лица, подвергаемые уголовному преследованию. Во-вторых, бремя доказывания и опровержения выводов, приводимых в защиту подозреваемого или обвиняемого, лежит на стороне обвинения. В-третьих, обвинительный приговор не может быть основан на предположениях. Указанный запрет продублирован в процессуальной регламентации вынесения обвинительного приговора, в свою очередь, с дополнительным условием: обвинительный приговор не может быть основан на предположениях и постановляется лишь при условии, что в ходе судебного разбирательства виновность подсудимого в совершении преступления подтверждена совокупностью исследованных судом доказательств.

В России законодательное определение понятия презумпции невиновности впервые появилось в исторический период реформирования нашего государства и права, известный как «перестройка», в связи с принятием Съездом народных депутатов СССР 13 ноября 1989 г. Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о судостроительстве. В ч. 2 ст. 14 данного нормативного акта, фактически не уголовно-процессуального, а судостроительного, указывалось, что «обвиняемый считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда». Изложенное лаконичное словесное выражение презумпции невиновности почти целиком оказалось воспроизведено в Конституции Российской Федерации. Однако в УПК РСФСР формулировка презумпции невиновности так и не была закреплена, хотя упоминание о ней позднее появилось в ст. 451 названного УПК в связи с введением в него регламентации производства в суде с участием присяжных заседателей. Об истории и

непростой судьбе презумпции невиновности в отечественном уголовном процессе на сегодняшний день написано более чем достаточно. Тем не менее, предпринимаются шаги по дальнейшему, углубленному изучению ее прошлого в сравнении с настоящим [21, с. 87].

Принцип охраны прав и свобод человека в уголовном судопроизводстве

В условиях ускоренного производства в российском уголовном процессе (при рассмотрении уголовного дела в особом порядке, предусмотренном гл. 40 УПК РФ, при рассмотрении уголовного дела в особом порядке при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (гл. 40.1 УПК РФ) и при рассмотрении уголовного дела в особом порядке после расследования уголовного дела в порядке сокращенного дознания (гл. 32. 1 УПК РФ) принципы уголовно-процессуального права действуют специфическим образом. Особое место среди принципов уголовно-процессуального права, на наш взгляд, занимает принцип охраны прав и свобод человека при производстве по уголовным делам. Его значение обусловлено сложным комплексным содержанием данного принципа. Основу данного принципа составляет генеральная идея обеспечения и защиты прав и законных интересов личности в уголовном процессе, достижение которой обеспечивается посредством реализации комплекса мер, направленных на создание условий по реализации субъективных прав участников уголовного судопроизводства.

Специфика действия принципа охраны прав и свобод граждан при производстве по уголовным делам в условиях ускоренного производства заключается в ограничении действия ряда положений, составляющих содержание данного принципа, и одновременном усилении действия ряда процессуальных гарантий, являющихся неотъемлемой частью данного принципа, применительно к отдельным процедурам ускоренного производства.

Принцип уважения чести и достоинства

Достоинство, это один из самых противоречивых и, тем не менее, часто используемых терминов в дебатах, касающихся вопросов ухода из

жизни. Термин «достоинство» может принимать различные значения. Например, его можно использовать для обозначения уважения к отдельному человеку или для обозначения внутренней ценности человечества в целом. Эти два разных понимания достоинства неизбежно приводят к разным подходам к принятию решений в конце жизни.

Уважение достоинства рассматривается как один из основополагающих принципов моральных дебатов и международных руководящих принципов по вопросам конца жизни. В частности, статья 5 Европейской конвенции о правах человека и биомедицине устанавливает обязательство запрашивать согласие пациента на каждое медицинское вмешательство, подразумевая право отказаться от лечения как способ уважения достоинства и личных свобод. Конвенция одобрена большинством европейских стран, включая Англию и Францию. Эти страны обязаны выполнять директивы конвенции на национальном уровне. Однако национальные подходы к этой реализации могут заметно различаться. Одной из причин такого несоответствия между странами могут быть разные значения термина «достоинство» и разные формы уважения человеческого достоинства. Поэтому важно исследовать различные значения достоинства, пытаясь осветить его использование в дебатах и, таким образом, облегчить диалог между странами.

Уважение чести и достоинства личности в УПК РФ получило свою юридическую регламентацию в виде правовых запретов, смысл которых полностью соответствует новой парадигме российского уголовно-процессуального законодательства, закрепленной в ст. 6 УПК РФ.

Принцип неприкосновенности личности

Никто не может быть задержан по подозрению в совершении преступления или заключен под стражу при отсутствии на то законных оснований, предусмотренных УПК РФ. До судебного решения лицо не может быть подвергнуто задержанию на срок более 48 часов.

Суд, прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель обязаны немедленно освободить всякого незаконно задержанного, или лишенного

свободы, или незаконно помещенного в медицинскую организацию, оказывающую медицинскую помощь в стационарных условиях, или в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, или содержащегося под стражей свыше срока, предусмотренного Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации

Лицо, в отношении которого в качестве меры пресечения избрано заключение под стражу, а также лицо, которое задержано по подозрению в совершении преступления, должно содержаться в условиях, исключающих угрозу его жизни и здоровью.

Принцип тайны переписки, переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений.

Развитие науки и техники обусловило расширение ее применения при производстве по уголовным делам. Одним из наиболее распространенных следственных действий, связанных с использованием технических средств, является контроль телефонных переговоров. Применение данного следственного действия связано с ограничением права на уважение и неприкосновенность личной и семейной жизни, жилища и корреспонденции, поскольку в рамках контроля телефонных переговоров информация, обсуждаемая абонентами, становится известна третьим лицам. Указанное право является незыблемым, оно гарантировано Конституцией Российской Федерации [16] и закреплено в международных актах [15].

В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации закреплены принципы неприкосновенности жилища и тайны переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Во избежание любого неправомерного вмешательства государства в частную жизнь индивида в соответствии со ст.ст. 12 и 13 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации ограничение рассматриваемого права может иметь место только на основании судебного решения. Дополнительной

защитой рассматриваемого права в соответствии с ч. 1 ст. 186 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации является положение о недопустимости проведения контроля телефонных переговоров по делам о преступлениях небольшой тяжести. Однако указанные положения не гарантируют на практике соблюдение указанных прав.

Согласно п. 3 ч. 3 ст. 186 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в ходатайстве следователя о производстве контроля и записи телефонных и иных переговоров, в том числе, указывается: ...фамилия, имя и отчество лица, чьи телефонные и иные переговоры подлежат контролю и записи...

Законодатель не указал, что следует прослушивать телефоны, которые принадлежат лицу, чьи переговоры подлежат контролю, а указал на прослушивание переговоров конкретного лица, что позволяет решать вопрос о проведении контроля телефонных переговоров конкретного лица безотносительно того, кому принадлежит конкретный телефон, что, безусловно, ограничивает право на неприкосновенность личной жизни человека и гражданина.

При изучении постановлений о возбуждении ходатайств о контроле телефонных и иных переговоров и постановлений о контроле телефонных и иных переговоров в основном указывается на владение и использование конкретного номера телефона без указания его владельца. Объяснение указанной ситуации достаточно простое. Телефон может быть подарен владельцу, при этом изначально оформлен на покупателя, может быть получен владельцем за долги, куплен с рук и т. п., в указанных случаях владельцем телефона числится один человек, а фактически использует его другой.

Исходя из возможности регистрации телефона на иное лицо, а не на его фактического владельца, при решении вопроса о проведении контроля телефонных переговоров по указанному номеру не представляются документы, содержащие данные о владельце телефона. Суд выносит постановление о контроле телефонных переговоров без установления

принадлежности телефона, фактически создавая ситуацию, позволяющую прослушивать любой телефон при наличии предполагаемых данных, что им пользуется лицо, чьи разговоры следует контролировать.

Возникает вопрос о возможности использования в качестве доказательств результатов контроля телефонных переговоров в случае, когда будет установлено, что контролируемый телефон принадлежит иному владельцу, а не лицу, чьи разговоры прослушивались. Отсутствие в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации указания на возможность контроля телефонных переговоров законного, а не фактического владельца позволяет признать допустимым доказательством полученные результаты даже в том случае, если законным владельцем было лицо, обладающее дополнительными гарантиями (например, адвокат). Полагаю, что контроль телефонных переговоров как следственное действие может проводиться только в случае, если в постановлении судьи будет указано, кто является законным владельцем данного номера телефона и почему возможен его контроль. Следователь или дознаватель, обращаясь с ходатайством о разрешении контроля телефонных переговоров, должны указать законного владельца конкретного номера; если следует контролировать другое лицо, пользующееся этим номером, то необходимо представить соответствующее обоснование, позволяющее суду разрешить проведение требуемого следственного действия.

Законодатель в ч. 7 ст. 186 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации предусмотрел возможность осмотра и прослушивания фонограммы с участием специалиста, а также лиц, чьи телефонные и иные переговоры записаны. В связи с этим возникает несколько вопросов. Исходя из содержания указанной нормы, право на ознакомление имеют все лица, чьи переговоры записаны. Каким образом указанные лица должны уведомляться о возможности ознакомления с результатами контроля телефонных переговоров? Если их несколько десятков и переговоры с подавляющим большинством из них не имеют отношения к уголовному делу, следует ли их

вообще приглашать для ознакомления? Как быть с неустановленными лицами, с которыми велись переговоры, не имеющие отношения к уголовному делу? Непонятно, как быть с ошибочными звонками, рекламой и т. п.

Буквальное исполнение указанной нормы может создать тупиковые ситуации и весь процесс производства затянуться по уголовному делу. Появление в уголовном деле лиц, которые не имеют к нему отношения, но чьи личные права нарушены контролем телефонных переговоров, может привести к возникновению судебных производств по рассмотрению жалоб указанных лиц в порядке ст. 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Ознакомление с фонограммой и ее осмотр должен проводиться следователем с участием только тех лиц, чьи переговоры дословно отражаются в протоколе осмотра. Кроме указанных лиц могут присутствовать при необходимости специалисты и переводчики. Если лицо отказалось от ознакомления с записью телефонных переговоров, то об этом должен быть составлен протокол с указанием по возможности причины отказа [31].

При ознакомлении с фонограммой обвиняемого или подозреваемого вправе присутствовать его защитник, участие которого представляется обязательным, если на этом настаивает подзащитный. Если контроль телефонных переговоров проводился в отношении потерпевшего или свидетеля, то при ознакомлении с фонограммой потерпевшего вправе присутствовать его представитель, а при ознакомлении свидетеля — его адвокат.

В протоколе все переговоры, которые не имеют отношения к уголовному делу, должны быть обозначены временем начала и окончания переговоров, без указания номеров абонентов. Протокол должен быть подписан всеми лицами, присутствовавшими при осмотре. При наличии замечаний на протокол следователь должен вынести по ним решение.

Поскольку фонограмма в соответствии с ч. 8 ст. 186 УПК РФ приобщается к материалам уголовного дела как вещественное доказательство,

соответственно следует составлять протокол осмотра вещественного доказательства.

При окончании производства по уголовному делу и направлении его в суд прослушивание фонограмм осуществляется при ознакомлении с материалами дела. Следует поддержать мнение Д.В. Вагурина, что после вынесения постановления о прекращении уголовного дела следователь письменно уведомляет лиц, в отношении которых проводились контроль и запись телефонных и иных переговоров [3, с. 12]. Указанные лица должны иметь возможность ознакомиться с фонограммой разговоров при заявлении об этом ходатайства.

Прослушивание фонограммы в полном объеме в судебном заседании нецелесообразно в силу того, что многие абоненты, чьи звонки и разговоры на ней содержатся, не имеют отношения к расследуемому преступлению. Суд должен иметь право на ограничение прослушивания фонограммы, исключив прослушивание разговоров, не имеющих отношения к делу. При наличии ходатайства сторон суд на период прослушивания фонограммы должен иметь право проводить судебное разбирательство в закрытом судебном заседании. Данный порядок будет обеспечивать защиту права на неприкосновенность личной жизни участников процесса, а также лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство по воле случая. Указанные положения обеспечат реализацию принципа тайны переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений при производстве по уголовному делу, разрешат ряд проблем, возникающих при осуществлении контроля телефонных переговоров.

Неприкосновенность жилища

Осмотр жилища по общему правилу допускается только при наличии согласия проживающих в нем лиц; обыск, выемка в жилище — при наличии соответствующего судебного решения. Особый порядок производства указанных следственных действий применяется в случаях, не терпящих отлагательств (ч. 5 ст. 165 Уголовно-процессуального кодекса Российской

Федерации), с обязательным последующим соблюдением предусмотренных законом гарантий прав и законных интересов лиц, в жилище которых производился осмотр, обыск, выемка.

Одновременно следует подчеркнуть, что уголовно-процессуальный закон закрепляет дефиницию «жилище», под которым понимается в том числе помещение или строение, не входящее в жилищный фонд, но используемое для временного проживания (п. 10 ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации).

Буквальное толкование данной правовой нормы позволяет заключить, что жилая зона в исправительном учреждении (камера в следственном изоляторе) выступает в качестве жилища для осужденного к лишению свободы (подследственного, содержащегося под стражей).

Глава 3 Проблема реализации отдельных принципов уголовного судопроизводства

3.1 Проблема реализации принципа состязательности

Состязательность является одним из элементов права на справедливое судебное разбирательство, гарантированного ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее - Конвенция, Европейская конвенция).

Анализ практики Европейского Суда по правам человека (далее Суда; Европейский Суд), в компетенцию которого входит толкование и применение положений Конвенции, позволяет выделить две составные части концепции справедливого судебного разбирательства. Во-первых, это условия судопроизводства (ч. 1 и 2 ст. 6 Конвенции). К ним относятся законность, независимость и беспристрастность суда; публичность процесса; разумный срок разбирательства и презумпция невиновности. Во-вторых, это минимальный комплекс прав обвиняемого/подсудимого (ч. 3 ст. 6 Конвенции), который включает право знать о сути предъявляемого обвинения, право на достаточное время и возможность подготовить свою защиту, право защищать себя лично или с помощью защитника, право на допрос свидетелей, а также право на помощь переводчика.

«Учитывая то значимое положение, которое право на справедливое судебное разбирательство занимает в демократическом обществе, и то, что сама Конвенция считается «живым инструментом», Европейский Суд подчеркивает, что данная концепция не должна интерпретироваться «узко» [12].

Также представляется важным отметить, что Европейский Суд, в деятельности которого сплетаются идеи и подходы общей системы права и континентальной системы, гибко относится к самому понятию «принцип судопроизводства», используя наравне с ним такие понятия, как «право», «гарантия», «стандарт», «положение», «концепция», «идея». Поскольку

задачей настоящей статьи является представление соответствующей практики ЕСПЧ в целом, то автор позволит себе придерживаться именно этого гибкого подхода при оперировании категориями.

Что касается состязательности, то Европейский Суд говорит о ней скорее как о модели уголовного процесса, упоминая «право на состязательный процесс» [11] или описывая это условие судопроизводства как «состязательное» по характеру [10].

В целом, концепция состязательности заключается в том, что всякий, кто выступает стороной в уголовном деле, должен иметь разумную возможность представить свои аргументы и доказательства в условиях, которые не ставят его в невыгодное положение *vis-a-vis* противостоящей стороне. Иными словами, каждой из сторон процесса должна быть обеспечена возможность ознакомиться с позицией другой стороны и подготовить свои аргументы по всем представленным доводам и доказательствам в суде первой и апелляционной инстанции. Кроме того, п. 1 ст. 6 Конвенции требует, чтобы сторона обвинения предъявила стороне защиты все имеющиеся доказательства, как против подсудимого, так и свидетельствующие в его пользу.

У адресатов возражений есть двухмесячный срок для представления своих замечаний в ответ на Заявление о возражениях. Поскольку начальная точка двухмесячного срока не определяется как недействительная, она может быть отложена в целях сохранения принципа состязательности и прав сторон. Поскольку замечания Правительственного уполномоченного не представляют собой возражений, они не влекут за собой нового срока для ответа. У сторон есть пятнадцатидневный срок, чтобы ознакомиться с ними. Дополнительный период в один месяц может быть предоставлен Президентом Органа в исключительных обстоятельствах.

Наконец, когда привлекаются свидетели-эксперты, стороны должны быть призваны к участию в операциях и иметь возможность давать свои наблюдения, иначе не будет соблюдаться принцип

состязательности. Аналогичным образом соблюдение принципа состязательности и прав защиты подразумевает, что стороны или их представители должны иметь возможность знать имена и статус свидетелей, которых Орган намеревается заслушать, до начала слушаний.

В случае подачи апелляции в Парижский апелляционный суд соблюдение принципа состязательности требует, чтобы Суд обеспечил и указал в своем решении, что сторонам была предоставлена возможность ответить на письменные замечания Органа. Он не может вынести решение о неприемлемости без заслушивания или информирования лиц, заинтересованных в жалобе.

Вместе с тем, следует отметить, что ни одна из гарантий ст. 6 Конвенции не является абсолютной, т. е. может ограничена. Так, например, в рамках конкретного уголовного процесса могут столкнуться конкурирующие интересы: соображения национальной безопасности или необходимость обеспечить защиту свидетелей и право подсудимого на эффективную защиту, и суд, рассматривающий дело, может позволить стороне обвинения скрыть от стороны защиты какое-либо доказательство. Однако в этом случае суд, во-первых, для принятия соответствующего решения обязан сопоставить и взвесить значимость конкурирующих интересов и значимость права подсудимого [9]. Во-вторых, применять эту меру - ограничение права на защиту - только в случаях строгой необходимости [13]. Подобная система гарантий призвана минимизировать риск необоснованного ущемления прав подсудимого.

Обзор практики Суда приводит к заключению о том, что все элементы, составляющие право на справедливое судебное разбирательство, тесно взаимосвязаны. С одной стороны, они являются самостоятельными аспектами данного права, с другой стороны реализуется посредством соблюдения других гарантий, установленных ст. 6 Конвенции. Так, например, по смыслу данной нормы не будет являться состязательным процесс, а судебное разбирательство справедливым, если нарушено право на независимый и беспристрастный суд

(Krivoshapkin v. Russia, № 42224/02 от 27/01/2011) или принцип презумпции невиновности (Romensky v. Russia, № 22875/02 от 13/06/2013).

Следует отметить, что зачастую заявители в своих обращениях, жалуясь на нарушение состязательности процесса, лишь в общих чертах формулируют свою жалобу, перечисляя в ней целый ряд положений ст. 6 Конвенции. Европейский суд принимает жалобу к рассмотрению, если факты и обстоятельства дела изложены подробно и подкреплены соответствующими процессуальными документами. Но, к сожалению, далеко не всегда Европейский Суд, в силу разных причин, в том числе по соображениям процессуальной экономии, анализирует каждую жалобу заявителя и выносит решение или по жалобе, наиболее важной для развития соответствующей прецедентной практики, или по ч. 1 ст. 6 Конвенции, указывая на нарушение справедливости процесса в целом.

Возвращаясь к сути принципа состязательности, которая заключается в обеспечении «равной активности» каждой из сторон в процессе, нельзя не отметить важность мотивировки судебных актов. Именно надлежащая мотивированность решения, т. е. адекватное, достаточно ясное и понятное изложение оснований, по которым суд пришел к тем или иным выводам, подтверждает тот факт, что аргументы сторон были действительно услышаны и оценены.

Суды не обязаны давать детальный ответ на каждый представленный аргумент, но из судебного акта должно с очевидностью следовать, что все вопросы, имеющие значение для разрешения дела, были рассмотрены.

Как известно, согласившись с предъявленным обвинением и проведением судебного разбирательства в особом порядке, лицо практически лишает себя ряда процессуальных прав, предоставляемых национальным и международным законодательством. Как уже было отмечено выше, все процессуальные права, установленные ст. 6 Конвенции, являются неабсолютными. Соответственно, добровольный отказ от их реализации возможен, однако должен быть осуществлен при соблюдении условий,

подтверждающих полную «осознанность» подсудимым данного процессуального действия и его последствий, а также отсутствию внешнего давления.

Наконец, принцип состязательности, согласно практике Суда, определяет не только порядок разбирательства дела по существу в соответствии со ч. 1 ст. 6 Конвенции. Он также действует и на досудебной стадии, в частности, при обжаловании меры пресечения в виде ограничения свободы.

Таким образом, подводя итог вышесказанному, в стадии судебного разбирательства, а также при рассмотрении дела судом апелляционной инстанции принцип состязательности реализуется через комплекс тесно связанных прав и гарантий. Этот комплекс включает, в частности, принцип равенства сторон, право на достаточное время и адекватные условия для подготовки защиты, право допрашивать свидетелей, право на рассмотрение дела независимым и беспристрастным судом. Поскольку права, установленные ст. 6 Конвенции, не являются абсолютными, то состязательный характер процесса может быть ограничен. Подобное ограничение, однако, возможно только при соблюдении жестких процессуальных гарантий, призванных защитить подсудимого от необоснованного злоупотребления властью со стороны суда. Надлежащая мотивированность судебных решений является важной гарантией состязательности процесса, поскольку наглядно демонстрирует тот факт, что суд услышал аргументы сторон и дал оценку представленным доказательствам, а также обеспечил соблюдение всех процессуальных гарантий.

Процессуальный институт производства о применении принудительных мер медицинского характера, регламентированный нормами гл. 51 УПК РФ, в течение последнего десятилетия претерпел концептуальную модернизацию. За это время в систему правового регулирования данной формы уголовно-процессуальной деятельности было внесено значительное число новаций, отражающих генеральную линию законодателя по либерализации уголовно-

процессуального законодательства, укреплению демократических, а, следовательно, и состязательных начал российского уголовного судопроизводства. Существо данных новаций связано с переосмыслением концептуальных основ нормативного регулирования процессуального статуса лица, страдающего психическим расстройством, уличаемого в совершении запрещенного уголовным законом деяния. До 2007 г. состязательность уголовного судопроизводства в данной процессуальной форме была существенно ограничена безальтернативным исключением лиц, которые страдали психическим расстройством, из числа участников уголовно-процессуальной деятельности в силу своеобразной фактической презумпции отсутствия у таких лиц психической способности к осознанному осуществлению своих процессуальных прав. Принцип юридического равенства (процессуального равноправия сторон) находил свое выражение только на уровне правоспособности сторон процесса, не устраняя дисбаланса между возможностями реализации установленных законом правомочий участников со стороны обвинения и защиты, то есть на уровне их уголовно-процессуальной дееспособности. Следствием указанного подхода являлась правовая неопределенность статуса и функциональной ориентации лица, страдающего психическим расстройством, в системе координат состязательного уголовного процесса. В частности, отсутствовали правовые положения, однозначно относящие таких лиц к участникам со стороны защиты в виду того, что деятельность, осуществляемая следователем в отношении них, не признавалась обвинительной, направленной на изобличение их в совершении преступления. Единственной гарантией состязательного отправления правосудия по данной категории дел оставались положения закона об обязательном участии в деле законного представителя и защитника лица, в отношении которого велось производство. Вместе с тем, сами по себе данные гарантии нельзя признать достаточно эффективными в силу недостаточной четкости и формальной определенности положений закона, которые определяли момент и условия допуска защитника и законного

представителя к производству по уголовному делу. Кроме того, отсутствие в законе положений, которые дифференцировали бы основания для ограничения уголовно-процессуальной дееспособности психически больных лиц, определяли особенности реализации ими своего процессуального статуса при улучшении психического состояния, фактически делало данную форму судопроизводства не состязательной. Переосмысление значения принципов состязательности и равноправия сторон применительно к рассматриваемой нами форме уголовного судопроизводства началось с принятия ЕСПЧ постановления по делу «Романов против России» от 20.10.2005 г., в котором *inter alia* была констатирована системная проблема российского правового регулирования основ уголовного судопроизводства в отношении лиц, страдающих психическими расстройствами. Суть данного системного недостатка в понимании ЕСПЧ сводилась к отсутствию дифференциации правового регулирования возможностей психически больных лиц участвовать в судебном заседании в зависимости от степени выраженности их психического расстройства и обусловленной им способности или неспособности к осознанному осуществлению процессуальных прав. С точки зрения ЕСПЧ ограничения подсудимого в праве на очное участие в судебном процессе возможно только при наличии особых обстоятельств, связанных с особенностями его психического состояния. Новое понимание статуса указанных субъектов процесса, предлагаемое ЕСПЧ, вызвало потребность разработки подходов, основанных на укреплении состязательности судопроизводства в данной сфере.

Через два года данные подходы были сформулированы Конституционным Судом РФ [24], который указал, что основным фактором, определяющим предоставление лицам, в отношении которых ведется такое производство, возможности самостоятельного осуществления указанных процессуальных прав является их психическое состояние, которое устанавливается судом в каждом уголовном деле на основе подтвержденных доказательствами фактических обстоятельств с помощью специальных

познаний экспертов в области судебной психиатрии. Спустя еще несколько лет правовые позиции ЕСПЧ и Конституционного Суда РФ нашли отражение в нормах гл. 51 УПК РФ. Дисбаланс состязательности сторон в данной форме судопроизводства был частично компенсирован регламентацией статуса лиц, страдающих психическими расстройствами, а также постановкой вопроса о возможности ограничения их права на самостоятельное участие в процессе в зависимости от степени и характера психического расстройства, подтвержденного экспертным заключением. Важно отметить, что согласно ч. 1 ст. 437 УПК РФ право таких лиц на личное участие в судопроизводстве презюмируется как общее правило до тех пор, пока не установлена обусловленная медицинскими факторами неспособность к такому участию. Сохранены законом и такие классические гарантии состязательности в данной форме судопроизводства, как обязательное участие защитника и законного представителя. Пленум Верховного Суда РФ, совершенствуя действие данных гарантий, предусмотрел основания и порядок отстранения и замены законного представителя, право последнего давать свидетельские показания в интересах представляемого им лица.

Вместе с тем, возникает вопрос, насколько эффективными являются данные гарантии и может ли лицо, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, эффективно участвовать в судебном процессе. Согласно ч. 1 ст. 437 УПК РФ ключевым элементом в механизме обеспечения *locus standi* подсудимого, страдающего психическим расстройством, является производство судебно-психиатрической экспертизы либо освидетельствование подсудимого врачами медицинской организации, оказывающей ему психиатрическую помощь в стационарных условиях. Такие заключения не могут иметь обязательной силы для суда [22]. При этом в законе (а равно иных источниках права) отсутствуют положения, определяющие периодичность проведения медицинских освидетельствований (судебных экспертиз), диагностирующих текущее психосоматическое состояние лица, в отношении которого ведется

производство. Это позволяет судам, получив уголовное дело в отношении такого лица, обосновать свой вывод о невозможности участия подсудимого в судебном заседании ссылками на заключение судебно-психиатрической экспертизы, полученное в ходе предварительного следствия, безотносительно к дате его составления. Разумеется, сторона защиты не лишена при этом права ходатайствовать о производстве дополнительной экспертизы психического состояния подсудимого, однако суд располагает слишком большой сферой дискреции в решении данного вопроса, которая не ограничена законом.

В целом практика применения положений УПК РФ относительно обеспечения возможности личного участия в судебных заседаниях лиц с психическими заболеваниями не отличается единообразием. Положения закона не содержат гарантий разрешения данного вопроса в рамках состязательной судебной процедуры на основе медицинских данных, сохраняющих свою актуальность на дату проведения судебного заседания. В ряде случаев вышестоящие инстанции пересматривали немотивированные решения судов об ограничении доступа душевнобольных в судебные заседания, принятые на основании заключений экспертиз, полученных за несколько месяцев до рассмотрения дела в суде.

Также в УПК РФ отсутствует положение, обязывающее суд всякий раз после получения очередного заключения экспертов принимать мотивированное решение относительно возможности или невозможности продолжения производства по делу с личным участием лица, страдающего психическим расстройством. Разъяснения, данные Пленумом Верховного Суда РФ, в том числе и по вопросу уведомления душевнобольных подсудимых о дате, времени и месте судебного заседания, не восполняют отмеченных выше пробелов [26].

Указанные недостатки правового регулирования процедур рассмотрения уголовного дела о применении принудительных мер медицинского характера ослабляют действие принципов состязательности и равноправия сторон в данной форме уголовного процесса. Для преодоления

данных проблем можно предложить несколько нововведений. Прежде всего, необходимо дополнить ст. 229 УПК РФ новым основанием для проведения предварительного слушания по уголовному делу, поступившему в суд для применения принудительных мер медицинского характера: «необходимость разрешения вопроса о возможности личного участия подсудимого в судебном заседании». В пользу данного изменения закона можно высказать два соображения. Во-первых, можно сослаться на устоявшуюся, хотя и применяемую в данном случае по аналогии, правовую позицию Конституционного Суда РФ, согласно которой, продлевая действие меры пресечения либо отказываясь от ее продления, судья не просто соглашается или не соглашается с постановлением о заключении лица под стражу, а принимает соответствующее решение, исходя из анализа всего комплекса обстоятельств, в том числе связанных с переходом уголовного судопроизводства в другую стадию. В случае с заключением под стражу Конституционный Суд РФ настаивает на необходимости оценки судом первой инстанции оснований для продления данной меры пресечения в состязательной процедуре. Полагаем, что по аналогии эта позиция применима и для введения состязательной процедуры оценки судом обоснованности решения следователя об ограничении прав обвиняемого личного участвовать в процессе в связи «с переходом судопроизводства в другую стадию» [25]. Во-вторых, предварительное слушание, построенное на состязательных началах, уже в силу этого является оптимальной процедурой для разрешения указанного вопроса. Также положения УПК РФ следует дополнить нормой, предусматривающей необходимость назначения повторных медицинских освидетельствований или дополнительных судебно-психиатрических экспертиз не реже одного раза в месяц с рассмотрением вопроса о целесообразности сохранения ограничений прав подсудимого в судебном заседании, проводимом с участием его законного представителя и защитника. Действие данной нормы следует распространить и на производство в последующих судебных инстанциях.

Данные нововведения придадут положениям уголовно-процессуального закона, регулирующим статус подсудимых, страдающих психическими расстройствами, качество правовой определенности. Без этого признать модель судебного производства по делам, рассматриваемым в порядке гл. 51 УПК РФ, в полной мере состязательной не представляется возможным.

3.2 Проблемы реализации принципа на разумный срок уголовного судопроизводства

Включение в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [30] принципа разумного срока уголовного судопроизводства на основании Федерального закона от 30 апреля 2010 г. № 69-ФЗ изначально было обусловлено необходимостью выполнения Российской Федерацией требований Европейского Суда по правам человека (далее - ЕСПЧ) о создании эффективного средства правовой защиты в связи с выявленными системными нарушениями, выражающимися в несоблюдении разумных сроков судопроизводства и исполнения судебных актов. Так, с 1998 по 2015 г. ЕСПЧ зафиксировал 178 нарушений права на судебное разбирательство в разумный срок по жалобам от граждан Российской Федерации, что составляет 10% от общего числа рассмотренных жалоб против Российской Федерации [5].

Не останавливаясь в рамках настоящей статьи на таких вопросах, как понятие разумного срока в российском уголовно-процессуальном праве, момент начала и окончания его исчисления, критерии его определения [28, с. 47], необходимо отметить, что первоначальная редакция принципа разумного срока уголовного судопроизводства, предусмотренного ст. 6.1 УПК РФ, была ориентирована на защиту процессуальных интересов только участников уголовного судопроизводства с позиции разумности срока производства по уголовному делу в целом. В этой связи следует согласиться с мнением

Т.Ю. Вилковой о том, что «для обвиняемого осуществление судопроизводства в разумный срок обеспечивает сокращение продолжительности состояния «правовой неопределенности», а равно минимизирует негативные последствия, вызываемые применением мер уголовно-процессуального принуждения. Для потерпевшего — позволяет обеспечить доступ к правосудию и скорейшую компенсацию за нанесенный ему ущерб» [4, с. 18].

По статистике Судебного департамента при Верховном Суде РФ за 2014 г. судами Российской Федерации было рассмотрено 306 дел о присуждении компенсации за нарушение права на уголовное судопроизводство в разумный срок, из них по 248 делам требования заявителей были удовлетворены на общую сумму 18553569 рублей, также было рассмотрено 108 дел о присуждении компенсации за нарушение права на уголовное досудебное производство в разумный срок, из них по 81 делу требования заявителей были удовлетворены на общую сумму 5848300 рублей [27].

Включение в УПК РФ принципа разумного срока уголовного судопроизводства повлекло не только многочисленные обращения граждан за компенсацией в суды общей юрисдикции, но и обращения с жалобами в Конституционный Суд РФ, что продемонстрировало несовершенство нормативного закрепления данного принципа и потребовало его дальнейшего законодательного совершенствования.

Так, на основании Федерального закона от 21 июля 2014 г. № 273-ФЗ ст. 6.1 УПК РФ была дополнена новой ч. 3.1, регламентирующей особенности исчисления разумного срока досудебного производства по уголовному делу. Данные изменения были обусловлены Постановлением Конституционного Суда РФ от 25 июня 2013 г. № 14-П, принятым по жалобе гражданки А.Е. Поповой, которая более 12 лет не могла добиться возбуждения уголовного дела, а после его возбуждения по нему 26 раз (!) принималось решение о приостановлении предварительного расследования в связи с не

установлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого и 27 раз (!) - решение о прекращении уголовного дела. В результате рассмотрения данной жалобы Конституционный Суд РФ постановил, что потерпевшему не может быть отказано в признании его лицом, имеющим право на подачу заявления о присуждении компенсации за нарушение права на уголовное судопроизводство в разумный срок, на том лишь формальном основании, что подозреваемый или обвиняемый по делу не был установлен.

Дальнейшее расширение сферы действия принципа разумного срока уголовного судопроизводства связано с Постановлением Конституционного Суда РФ от 11 ноября 2014 г. № 28-П, признавшим недопустимым возвращение заявления о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок лицу, по заявлению которого о преступлении отказано в возбуждении уголовного дела в связи с истечением сроков давности уголовного преследования, или отказ в выплате компенсации такому лицу на том лишь формальном основании, что в отношении этого лица не было принято процессуальное решение о признании его потерпевшим.

Таким образом, законодательное регулирование разумного срока досудебного производства по уголовному делу в ч. 3.1 ст. 6.1 УПК РФ было обусловлено необходимостью защиты процессуальных интересов потерпевших, которые длительное время не могли добиться от органов предварительного расследования установления лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, а также защиты процессуальных интересов заявителей, которые, в свою очередь, длительное время не могли добиться возбуждения уголовного дела.

Дальнейшее расширение сферы действия принципа разумного срока уголовного судопроизводства было обусловлено очередным решением Конституционного Суда РФ от 21 октября 2014 г. № 25-П, которым были признаны не соответствующими Конституции РФ положения ч. 3 и 9 ст. 115 УПК РФ в той мере, в какой этими положениями в системе действующего правового регулирования не предусматривается надлежащий правовой

механизм, применение которого — при сохранении баланса между публично-правовыми и частноправовыми интересами — позволяло бы эффективно защищать в судебном порядке права и законные интересы лиц, не являющихся подозреваемыми, обвиняемыми или гражданскими ответчиками по уголовному делу, право собственности которых ограничено чрезмерно длительным наложением ареста на принадлежащее им имущество, предположительно полученное в результате преступных действий подозреваемого, обвиняемого.

В результате принятия данного решения Конституционным Судом РФ ст. 6.1 УПК РФ на основании Федерального закона от 29 июня 2015 г. № 190-ФЗ была дополнена ч. 3.2, в соответствии с которой в качестве самостоятельного подлжит определению разумный срок применения меры процессуального принуждения в виде наложения ареста на имущество лиц, не являющихся подозреваемыми, обвиняемыми или лицами, несущими по закону материальную ответственность за их действия.

Таким образом, можно констатировать, что развитие законодательных положений, регламентирующих принцип разумного срока уголовного судопроизводства, осуществлялось от общего к частному: от разумности срока уголовного судопроизводства в целом к разумности отдельного процессуального действия; от разумности сроков, затрагивающих процессуальные интересы только участников уголовного судопроизводства, к разумности сроков, затрагивающих процессуальные интересы иных лиц, не обладающих таковым статусом.

Исходя из этого, на сегодняшний день можно выделять следующие сферы (уровни) разумности сроков производства по уголовному делу:

- разумность срока уголовного судопроизводства в целом;
- разумность срока досудебного производства по уголовному делу;
- разумность срока отдельной стадии уголовного процесса;
- разумность срока принятия отдельного процессуального решения или производства отдельного процессуального действия.

В этой связи в научной литературе обоснованно отмечается, что разумный срок уголовного судопроизводства в целом должен охватывать и «частные моменты (например, задержание, содержание под стражей, сроки применения иных мер процессуального пресечения). Только тогда можно гарантировать соблюдение разумного срока всего расследования, разрешения и рассмотрения уголовного дела и, следовательно, обеспечения прав и законных интересов личности. Иными словами, оценка разумной длительности должна производиться в каждом конкретном случае при принятии какого-либо решения либо осуществлении любого значимого процессуального действия» [1, с. 49].

Поэтому нельзя не согласиться с мнением И.С. Дикарева и П.С. Гордеева о том, что «разумным следует считать такой процессуальный срок, продолжительность которого является оптимальной (достаточной и необходимой) для того, чтобы принятие процессуального решения, выполнение процессуального действия, завершение отдельной стадии уголовного процесса или производства по уголовному делу в целом обеспечивали реализацию назначения уголовного судопроизводства» [14, с. 116].

Вытекающие из этого перспективы дальнейшего развития принципа разумного срока уголовного судопроизводства должны быть связаны именно с теоретической разработкой и законодательным регулированием критериев разумности срока принятия отдельных процессуальных решений или производства отдельных процессуальных действий.

Например, Проектом Федерального закона N 703720-6 предлагается дополнить ч. 1 ст. 198 УПК РФ, которой регламентируется порядок назначения судебной экспертизы, требованием о том, что участник уголовного судопроизводства после ознакомления с постановлением о назначении судебной экспертизы вправе ходатайствовать о предоставлении ему разумного срока для реализации прав, предусмотренных данной статьей. Как указано в пояснительной записке к законопроекту, в большинстве случаев участники

судопроизводства не имеют возможности реализовать предоставленные им ст. 198 УПК РФ права, так как заявить указанные выше ходатайства они должны в процессе ознакомления с постановлением о назначении экспертизы, при подписании протокола ознакомления с постановлением о назначении судебной экспертизы. Иногда, учитывая сложность будущего исследования, для подготовки дополнительных вопросов, необходимых для подтверждения своей позиции по делу, подозреваемому, обвиняемому, защитнику, потерпевшему необходима консультация специалиста, для чего потребуется дополнительное время.

В научной литературе предлагается устанавливать разумный срок для таких процессуальных действий, как ознакомление с материалами, на основании которых принимается решение об избрании обвиняемому меры пресечения в виде заключения под стражу; разумный срок для приглашения подсудимым защитника, если это сделать не представляется возможным в течение 5 суток.

На практике разумность сроков принятия процессуальных решений или производства процессуальных действий наиболее актуальна в случае приостановления предварительного следствия. Так, согласно позиции Конституционного Суда РФ, которую он обозначил в приведенном выше Постановлении от 21 октября 2014 г. № 25-П, в случае приостановления предварительного следствия по основаниям, предусмотренным ст. 208 УПК РФ, действие меры процессуального принуждения сохраняется на все время приостановления производства по делу, т. е. до истечения сроков давности уголовного преследования (п. 3.2). Это означает, что для обвиняемого (подозреваемого) на неопределенный срок сохраняется действие таких мер процессуального принуждения, как подписка о невыезде, залог, отстранение от должности и т. д.

Кроме того, говорить о разумности срока можно применительно к принятию следующих процессуальных решений и производству процессуальных действий: срок проверки сообщения о преступлении в рамках

стадии возбуждения уголовного дела, срок привлечения лица в качестве обвиняемого, срок производства судебной экспертизы, срок ознакомления с материалами уголовного дела по окончании предварительного расследования и других сроках, не урегулированных уголовно-процессуальным законом.

Подводя итог всему вышеизложенному, можно сделать общий вывод о том, что развитие принципа разумного срока уголовного судопроизводства еще не завершилось. Дальнейшее расширение сферы действия данного принципа связано с необходимостью защиты участниками уголовного судопроизводства, а также лицами, не наделенными таким статусом, но вовлеченными в орбиту уголовно-процессуальных отношений, своих процессуальных интересов по уголовному делу. Для эффективности этого требуется законодательное закрепление в ст. 6.1 УПК РФ нормативной возможности применения требования разумности к срокам принятия отдельных процессуальных решений и производства отдельных процессуальных действий.

Заключение

В результате проведенного исследования мы пришли к следующим выводам:

Понятие принципа уголовного судопроизводства, их системы, а также возможностей реализации системы принципов на различных стадиях и в различных видах производств должно подвергнуться глубокому теоретическому исследованию.

Правильная квалификация преступления обеспечивает основу для достижения целей уголовной ответственности, в том числе назначения справедливого наказания. При квалификации правоохранительные органы (органы следствия, дознания, суд) часто сталкиваются с проблемами, вызванными противоречиями в уголовно-правовом регулировании (пробелом в праве, дефектами в праве, правовыми коллизиями, оценочными категориями права и др.). По мнению авторов, устранить противоречия уголовно-правового регулирования можно путем применения принципов уголовного права как непосредственного регулятора уголовно-правовых отношений.

Система принципов уголовного судопроизводства должна быть подвергнута серьезному анализу и переосмыслению с точки зрения критериев, предъявляемых к ней с позиций общечеловеческих ценностей и традиций российского права.

Развитие принципа разумного срока уголовного судопроизводства еще не завершилось. Дальнейшее расширение сферы действия данного принципа связано с необходимостью защиты участниками уголовного судопроизводства, а также лицами, не наделенными таким статусом, но вовлеченными в орбиту уголовно-процессуальных отношений, своих процессуальных интересов по уголовному делу. Для эффективности этого требуется законодательное закрепление в ст. 6.1 УПК РФ нормативной возможности применения требования разумности к срокам принятия

отдельных процессуальных решений и производства отдельных процессуальных действий.

В УПК РФ отсутствует положение, обязывающее суд всякий раз после получения очередного заключения экспертов принимать мотивированное решение относительно возможности или невозможности продолжения производства по делу с личным участием лица, страдающего психическим расстройством. Разъяснения, данные Пленумом Верховного Суда РФ, в том числе и по вопросу уведомления душевнобольных подсудимых о дате, времени и месте судебного заседания, не восполняют отмеченных выше пробелов.

Указанные недостатки правового регулирования процедур рассмотрения уголовного дела о применении принудительных мер медицинского характера ослабляют действие принципов состязательности и равноправия сторон в данной форме уголовного процесса. Для преодоления данных проблем можно предложить несколько нововведений. Прежде всего, необходимо дополнить ст. 229 УПК РФ новым основанием для проведения предварительного слушания по уголовному делу, поступившему в суд для применения принудительных мер медицинского характера: «необходимость разрешения вопроса о возможности личного участия подсудимого в судебном заседании». В пользу данного изменения закона можно высказать два соображения. Во-первых, можно сослаться на устоявшуюся, хотя и применяемую в данном случае по аналогии, правовую позицию Конституционного Суда РФ, согласно которой, продлевая действие меры пресечения либо отказываясь от ее продления, судья не просто соглашается или не соглашается с постановлением о заключении лица под стражу, а принимает соответствующее решение, исходя из анализа всего комплекса обстоятельств, в том числе связанных с переходом уголовного судопроизводства в другую стадию. В случае с заключением под стражу Конституционный Суд РФ настаивает на необходимости оценки судом первой инстанции оснований для продления данной меры пресечения в

состязательной процедуре. Полагаем, что по аналогии эта позиция применима и для введения состязательной процедуры оценки судом обоснованности решения следователя об ограничении прав обвиняемого личного участвовать в процессе в связи «с переходом судопроизводства в другую стадию». Во-вторых, предварительное слушание, построенное на состязательных началах, уже в силу этого является оптимальной процедурой для разрешения указанного вопроса. Также положения УПК РФ следует дополнить нормой, предусматривающей необходимость назначения повторных медицинских освидетельствований или дополнительных судебно-психиатрических экспертиз не реже одного раза в месяц с рассмотрением вопроса о целесообразности сохранения ограничений прав подсудимого в судебном заседании, проводимом с участием его законного представителя и защитника. Действие данной нормы следует распространить и на производство в последующих судебных инстанциях.

Данные нововведения придадут положениям уголовно-процессуального закона, регулирующим статус подсудимых, страдающих психическими расстройствами, качество правовой определенности. Без этого признать модель судебного производства по делам, рассматриваемым в порядке гл. 51 УПК РФ, в полной мере состязательной не представляется возможным.

Список используемых источников и используемой литературы

1. Азаров В.А., Рожков Д.Г. Обеспечение разумного срока уголовного судопроизводства в суде первой инстанции: Монография. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2013. 314 с.
2. Азаров В.А. Состязательность в контексте функциональной характеристики современного уголовного процесса России // Актуальные проблемы права России и стран СНГ-2005: материалы междунар. науч.-практ. конф. Челябинск : ЮУрГУ, 2005. Ч. I. 413 с.
3. Вагурин Д.В. Контроль и запись переговоров в уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности: Автореф. ... дис. канд. юрид. наук. М., 2009. 76 с.
4. Вилкова Т.Ю. Принципы уголовного судопроизводства России: правовые основы, содержание, гарантии. М.: Юрлитинформ, 2014. 56 с.
5. Годовой отчет ЕСПЧ за 2021 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.echr.coe.int/Documents/Annual_Report_2015_ENG.pdf.
6. Давлетов А.А. Принципы уголовно-процессуальной деятельности // Известия вузов. Правоведение. 2008. № 2. С. 91-93.
7. Дело «Бурдов против Российской Федерации» (№ 2): постановление ЕСПЧ от 15.01.2009 // Российская хроника Европейского суда. Приложение к Бюллетеню Европейского суда по правам человека». Спец. вып. 2009. № 4. 451 с.
8. Дело «Канашевская и другие против Российской Федерации»: постановление ЕСПЧ от 03.06.2010 // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2011. № 2.
9. Дело Дорсон против Нидерландов № 20524/92 от 26/03/1996, § 70. [Электронный ресурс] Режим доступа URL: <https://www.hr-dp.org/contents/545> (дата обращения: 10.04.2022).
10. Дело Фитт против Соединённого королевства № 29777/96 от 16/02/2000, § 46. [Электронный ресурс] Режим доступа URL:

<https://swarb.co.uk/fitt-v-united-kingdom-echr-16-feb-2000/> (дата обращения: 10.04.2022).

11. Дело Морарь против Республики Молдова № 65311/09 от 08/03/2016, [Электронный ресурс] Режим доступа URL: https://sherloc.unodc.org/cld/case-law-doc/othercrimetype/mda/2016/morari_v._the_republic_of_moldova_application_no._6531109_2016.html?lng=en&tmpl=sherloc (дата обращения: 10.04.2022).

12. Дело Морейра де Азеведу против Португалии, № 11296/84, 23/101990, § 66. [Электронный ресурс] Режим доступа URL: <https://swarb.co.uk/moreira-de-azevedo-v-portugal-echr-28-aug-1991/> (дата обращения: 10.04.2022).

13. Дело ван Мехелен против Нидерландов, № 21363/93, 21364/93, 21427/93 и 22056/93 от 23/04/97, § 58. [Электронный ресурс] Режим доступа <https://opil.ouplaw.com/view/10.1093/law:ihrl/2994echr97.case.1/law-ihrl-2994echr97> (дата обращения: 10.04.2022).

14. Дикарев И.С., Гордеев П.С. Разумность процессуальных сроков - принцип уголовного судопроизводства // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Сер. 5. Юриспруденция. 2012. № 1 (16). С. 116.

15. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 24.06.2013) (вместе с «Протоколом [№ 1]» (Подписан в г. Париже 20.03.1952), «Протоколом № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней» (Подписан в г. Страсбурге 16.09.1963), «Протоколом № 7» (Подписан в г. Страсбурге 22.11.1984)) [Электронный ресурс] Режим доступа URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.04.2022).

16. Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020)// Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 31 Ст. 4398. [Электронный ресурс] Режим доступа URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.04.2022)

17. Концепция проекта федерального закона «О нотариате и нотариальной деятельности в Российской Федерации» // [Электронный ресурс] Режим доступа URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.04.2022).

18. Костенко Р.В. Уголовно-процессуальные доказательства: концепция и общая характеристика. СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского университета МВД РФ, 2006. 145 с.

19. Международный пакт о гражданских и политических правах (заседании Генеральной Ассамблеи ООН) Режим доступа URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.04.2022).

20. Милов Л.В. Легенда или реальность? (О неизвестной реформе Владимира и Правде Ярослава) // Древнее право. *Ivsantiqvvm*. № 1. 1996. М. : Изд. «Спарк», 1996. 145 с.

21. Мурашкин И.Ю. Эволюция принципа презумпции невиновности в российском и международном праве // История государства и права. 2014. № 13. 413 с.

22. Научно-практический комментарий к уголовно-процессуальному кодексу РФ / В.М. Лебедев [и др.]; под общей редакцией В.М. Лебедева, В.П. Божьева. - 9-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2014. 851 с.

23. Павлушина А.А. Теория юридического процесса: итоги, проблемы, перспективы развития. Самара: ГОУ ВПО «Самарская государственная юридическая академия». 2005. 415 с.

24. Постановление Конституционного Суда РФ от 20.11.2007 № 13-П "По делу о проверке конституционности ряда положений статей 402, 433, 437, 438, 439, 441, 444 и 445 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.Г. Абламского, О.Б. Лобашовой и В.К. Матвеева" [Электронный ресурс] Режим доступа URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.04.2022).

25. Постановление Конституционного Суда РФ от 22.03.2005 № 4-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих порядок и сроки применения в качестве меры пресечения заключения под стражу на стадиях уголовного судопроизводства, следующих за окончанием предварительного расследования и направлением уголовного дела в суд, в связи с жалобами ряда граждан» [Электронный ресурс] Режим доступа URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.04.2022).

26. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07.04.2011 № 6 (ред. от 03.03.2015) «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера». [Электронный ресурс] Режим доступа URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.04.2022).

27. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 11.04.2017 № 65 (ред. от 15.06.2021) «Об утверждении Табеля форм статистической отчетности о деятельности федеральных судов общей юрисдикции, федеральных арбитражных судов, мировых судей и судимости и форм статистической отчетности о деятельности федеральных судов общей юрисдикции, федеральных арбитражных судов, мировых судей и судимости» [Электронный ресурс] Режим доступа URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.04.2022).

28. Принципы современного российского уголовного судопроизводства [Текст]: монография / И.В. Смолькова и др.; отв. ред. Мазюк Р.В. – Москва : Юрлитинформ, 2015. 383 с.

29. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: Учебник / Отв. ред. П.А. Лупинская. 2-е изд., перераб. и доп. - М. : Норма, 2009. 1072 с.

30. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 25.03.2022). Режим доступа URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.04.2022).

31. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 25.03.2022) [Электронный ресурс] Режим доступа URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.04.2022).

32. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» от 30.04.2010 № 69-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс] Режим доступа URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.04.2022).

33. Федеральный закон от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» [Электронный ресурс] Режим доступа URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.04.2022).

34. Чистова Н.И. недопустимыми доказательств, полученных на предварительном следствии: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Краснодар, 2006. 341 с.